

Л. Д. ТРОЦКИЙ

<Общество и В. Г. Белинский>

<Фрагменты>

Отсутствие исторических традиций и отчетливых политических группировок необходимо вело за собою отсутствие личной нравственной устойчивости. В расплывающейся «неисторической» среде гораздо легче пожертвовать своей жизнью во имя идеи, чем провести единство идеи через свою жизнь. И нужно признаться, что не лишен своей крупницы соли чей-то разухабистый отзыв о русской интеллигенции: «До тридцати лет — радикал, а затем — каналья». Как ни груба гончаровская карикатура на него, однако же нет ничего невероятного в том, что Марк Волохов раскаялся и поступил в юнкера. Кандидат в Гракхи, который становится податным инспектором, ибо его «среда заела», — давно ли сей персонаж уволен на покой нашей беллетристикой?

Чем же жили и держались лучшие? Страшным нравственным напряжением, сосредоточенным аскетизмом, бытовым отщепенством. При отсутствии социальной почвы под ногами личная устойчивость могла покупаться только ценою идейного фанатизма, беспощадного самоограничения и самоотмежевания, мнительности и подозрительности, недреманного блюдения своей чистоты... «Русачок миленький в огонь влезет, а благоверия не предаст», — говорил протопоп Аввакум. Не в особых извилинах славянского мозга, а в социальных условиях старой России нужно искать корень того старообрядческого фанатизма, той ревности о букве, которые наблюдаются подчас у наших интеллигентов самого крайнего лагеря. Незачем говорить, что и в области интеллигентского благоверия отцеживание комаров не препятствует благополучнейшему проглатыванию двугорбых верблюдов.

«Я — жид и с филистимлянами за один стол не сяду!» — писал Белинский. Однако же, при всем единстве своей нравственной личности, Белинский вынужден был радикальным образом менять свои взгляды. Идейная непримиримость, благородная черта всякого борца, сама по себе слишком слабая гарантия выдержки, раз она не находит постоянной опоры в объективной непримиримости, заложенной в самую механику общественных отношений. Частая и резкая смена воззрений, нечто обычное у русских интеллигентов (и не только у тех, которые после тридцати лет становятся... податными инспекторами) —

ведь это лишь необходимейшее дополнение абсолютной версильской свободы, свободы мысли — «гулять без дела».

Перемены мирозерцаний могли иметь субъективно-трагический характер (у Белинского), комически-пошлый (у какого-нибудь Бердяева), душевно-распутный (Струве), фразеологически поверхностный (Минский, Бальмонт), ренегатский (Жатков, Тихомиров), но их историческая основа оставалась одна и та же: общественная убогость наша.

(Из статьи «Об интеллигенции»)

«Белинских нет», — жалуются наши авторы. Если бы нам нужно было юридическое доказательство того, что творчество «Кузницы»¹ проникнуто настроениями интеллигентского замкнутого мира, кружка, школки, мы нашли бы такую вещественную улику в этой минорной фразе: «Белинских нет». Белинский тут взят, разумеется, не как лицо, а как представитель династии русских общественных критиков, вдохновителей и направителей старой литературы. Но нашим друзьям из «Кузницы» невдомек, что эта династия прекратилась как раз с того времени, как на политическую сцену вышла пролетарская масса. Одной своей стороной, и крайне существенной, Плеханов был марксистским Белинским, последним представителем этой благородной публицистической династии. Через литературу Белинские пробивали отдушину в общественность — в этом была их историческая роль. Литературная критика заменяла политику и подготавливала ее. Но то, что у Белинского и позднейших представителей радикально-публицистической критики было намеком, в наше время приняло октябрьскую плоть и кровь, стало советской действительностью. Если Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Михайловский, Плеханов были, каждый по-своему, общественными вдохновителями литературы и еще более — литературными вдохновителями зарождавшейся общественности, то разве теперь вся наша общественность своей политикой, прессой, собраниями, учреждениями не является достаточной истолковательницей своих собственных путей? Всю нашу общественность мы взяли под проектор, все этапы нашей борьбы освещены светом марксизма, каждое учреждение критически выстукивается со всех сторон. В этих условиях вздыхать о Белинских — значит обнаруживать — увы! увы! — интеллигентско-кружковую отрешенность, совершенно в стиле (отнюдь не монументальном) какого-нибудь благодетельнейшего левонароднического Иванова-Разумника. «Белинских нет». Но ведь Белинский был не литературным критиком, а общественным вождем

своей эпохи. И если бы живого Виссариона перенести в наше время, он был бы, вероятно, — не скроем и этого от «Кузницы» — членом... Политбюро. И может быть, даже пустил бы в ход неистовую оглоблю. Ведь жаловался же он, что ему по природе надо бы рывкать шакалом, а приходится издавать мелодичные звуки...

(Из книги «Литература и революция»)

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

<Историческое значение Белинского>

<Фрагмент>

<...>

Значение Белинского в истории русской общественной мысли огромно. Он не теряет непосредственного значения и для нашего времени, ибо многие элементы идейного мира Белинского являются непосредственными живыми истоками отдельных частей нынешнего нашего мирозерцания. Русская общественность была выведена из застоя постепенным ростом в странах, объединенных царским режимом, сначала торгового, а потом промышленного капитала. Капитал связывал Россию с Европой, гнал ее по пути известной европеизации.

Дворянство, как раз наиболее заинтересованное в поддержании старого порядка, было в отдельных своих частях выведено из состояния косности. В нем развивался интерес к прогрессу сельского хозяйства, росту хлебной торговли. На этой почве оказались возможными появление и рост антикрепостнических тенденций. Рядом с этим дворянство стало воспринимать как внешние формы, так и некоторые идеи европейской культуры, в свою очередь развивавшейся в сильнейшей зависимости от развития капитализма, достигшего там гораздо более зрелой формы. Дворянская оппозиция, нашедшая свой кульминационный пункт в декабрьском восстании, была проявлением этого перерождения дворянского класса под влиянием капитализма. Крушение декабрьского движения, показавшее, при молчании на-